

УДК 330.8

От пространственных исследований до региональной науки: обзор восточноевропейской и центральноевропейской истории науки

Дьюла Хорват,Институт региональных исследований, г. Печ, Венгрия, действительный член Венгерской академии наук, д.э.н., проф.
Перевод **Л.Н. Щербаковой**, к.э.н., доцент

Введение

XX столетие знаменуется как эра специализации науки, что подтверждается появлением новых научных дисциплин. Для исследований усложняющихся социальных процессов и экономических явлений потребовались новые отрасли знания. У истоков данных процессов была потребность в сознательной организации общества и экономики: государственное регулирование, развитие человеческих отношений — все это требовало нового осмысления. В истории человечества уже были периоды, когда отдельные концепции социологии, политологии, психологии и экономики влияли на механизм государственного управления.

Есть мнение, что определенный скачок в развитии пространственных сил в Западной Европе возник в период перехода от доиндустриального общества к индустриальному. Так сторонники системы меркантилизма Золотого века коммерческого капитализма выдвинули на первый план роль пространственных отношений в расширении рынка и сокращении издержек производства. В период индустриального общества каждая система взглядов на пространство, местные, регио-

нальные, национальные и международные измерения порождала соответствующие теории. Экономикс, благодаря факту включения территориального аспекта в традиционные исследования, внес существенный вклад в построение здания пространственной теории и формулирование пространственной политики. Методологическое развитие общественных наук, расширение эмпирического анализа и интереса со стороны социального управления обеспечили то, что пространственные отношения социально-экономических явлений вошли в сферу исследований и других общественных наук (Benkő, 1999; Egyed, 2012).

Во второй половине прошлого столетия в Западной Европе и Соединенных Штатах было создано большое количество программ для исследования пространственной структуры экономики и общества; в результате новые теории, инструменты и институты обогатили науку и практику общественного менеджмента. Для этих целей были организованы учреждения и отделы, их задачей было облегчить исследование и обучение в области научных проблем, связанных с пространством, на этой основе издавались монографии, книги и журналы (Isard, 1975). Как только пространственный подход был принят экономистами, возникла потребность в модернизации традиционной региональной географии. Несмотря на многочисленные публикации по исследованиям в теории пространства, ме-

ждународное научное общественное мнение связывает понятие и методологию исследования новой экономической географии с работами экономиста Пола Кругмана (Krugman, 1991 а, б, 2000, 2011). Тезисы, которые содержат противоположные мнения известных специалистов в области экономической географии, отражают различные аспекты зарождения пространственных начал в экономике, несущих ее обновление (Czirfusz, 2012; Martin, 1999).

Ведущие специалисты в области экономической географии иногда допускают пространственную ошибку. Она заключается в том, что, будучи погруженным в новые разработки их собственной научной дисциплины, исследователи пренебрегают недавними результатами других научных отраслей. Быстрое развитие интегральной пространственной науки, региональной науки, происходит одновременно с модернизацией традиционных дисциплин. Все еще идут споры относительно признания ее как самостоятельной дисциплины, однако, практически все общественные науки, занятые пространственным исследованием, достигли согласия относительно ее определения. Согласно этому определению региональная наука представляет собой совокупность общих основных понятий, теорий и методов социальных научных дисциплин, занятых исследованием пространства, что дает возможность впоследствии исследовать экономические явления и процессы (Boyce, 2004; Boyce–Nijkamp–Shefer, 2004; Nemes Nagy, 1998; Mészáros, 2006).

Начиная с 1970-х годов передовые развитые страны испытали влияние серьезного кризиса: геополитический разрыв усилился, упало промышленное производство. Данные процессы послужили основой для вопроса относительно пространственных преобразований. Мощные структурные изменения практически сформировали новую постфордистскую экономику, что и явилось ядром исследований в течение прошлых двух десятилетий. Возросло число научных публикаций по региональным проблемам, значительное количество журналов, издаваемых в настоящее время, появились на фазе этого бума. Спектр тем

исследования становился более широким, появились, например, исследования в области эффектов структурирования пространства, в области инновационной и сетевой экономики.

Результаты развития региональной науки в Западной Европе и США нашли свое выражение в ряде учений и в монографиях (Florax–Plane, 2004; Isard, 2003; Isserman, 1993, 1995). Новые работы были посвящены конференциям по региональной науке и действиям международных организаций в течение прошлого десятилетия. В этих работах можно найти только несколько ссылок на восточноевропейские и центральноевропейские пространственные исследования. Скромные упоминания могут быть объяснены тем фактом, что теории пространственного развития экономики и общества не были отражены в восточноевропейских программах исследования. С другой стороны, мы можем вспомнить, что ни результаты, достигнутые в определении социально-экономического пространства, ни попытки формирования науки не привлекли внимания международного профессионального общественного мнения. Вероятно, что оба предположения содержат долю правды.

Специфической чертой исследований восточноевропейского и центральноевропейского регионального развития является то, что только несколько западноевропейских исследователей (таких как британские ученые Иэн Гамильтон, Майкл Брэдшоу и Дэвид Тернок и французские исследователи Мари-Клод Морель и Виолетт Рэй) специализировались на этой области науки и изучили пространственные процессы одной или нескольких стран, в то время как в Восточной Европе чрезвычайно узкий круг ученых выполнял систематические исследования в этой области. Так Дьердь Энъеди, директор – основатель Центра региональных исследований Венгерской Академии наук был единственным ученым, занимающимся сравнительным анализом по данному направлению исследования на регулярной основе. На рубеже нового тысячелетия появились научные исследования венгерского ученого Ивана Иллеша, координатора CADSES-программы для немецкой Федеральная службы по строительству

и региональному планированию (Illés, 2002). Польский исследователь Грегорз Горзелак в 1996 году издал книгу о восточноевропейских региональных аспектах преобразований. Однако его исследование в этой области носило эпизодический характер. В конце 2000 года в связи со вступлением восточноевропейских стран в ЕС была сформирована подборка нескольких научных публикаций, подготовленных исследователями различных стран.

В рамках данного исследования автором будет предпринята попытка оценить значение регионального аспекта по отношению к странам бывшего социалистического блока. Это завершит картину исторических инцидентов пространственного исследования, специфических особенностей региональных задач, которые будут решены, особенностей институционализации региональной науки. В итоге это позволит обобщить различные критерии региональной науки в отдельных странах. Оценка результатов пространственных исследований, в том числе европейский вклад, может быть отдельной темой анализа. Будущие исследования могут опираться на широкий спектр результатов прошлых двух десятилетий. К существенным результатам можно отнести итоги изучения региональных эффектов восточноевропейского и центральноевропейского рынка периода экономических трансформаций, новой демократической общественной административной пространственной организации, проблем районирования и региональной децентрализации, систем целей, инструментов и институтов адаптационной политики ЕС, конкурентоспособности городских сетей и международного сотрудничества (Gorzelał—Bachler—Smętkowski, 2010; Hamilton—Kaliopa—Pikler—Milanović, 2005; Keating—Hughes, 2003).

В последнее время вышло несколько трудов, посвященных состоянию пространственных исследований в некоторых странах, однако до сих пор нет никакого сравнительного анализа состояния восточноевропейской и центральноевропейской региональной науки. Некоторые упоминания о положении социальной географии можно найти в исследованиях, посвященных изучению структуры

и содержания восточноевропейских общественных наук. Мы находим вполне достаточной информацию о пространственных исследованиях в них (Maurel, 2002). В отчете, подготовленном Дьердьем Энъеди для Международного географического союза, содержится ценная информация о результатах центральноевропейской прикладной географии (Enyedi, 2003).

Настоящее исследование опирается на выводы, встречающиеся в литературе по данной проблематике, анализ интернет-баз данных и личный опыт автора.

Региональное развитие и пространственные исследования в XX столетии

Едва ли был период в тысячелетней истории Европы, когда восточные территории следовали бы за общим путем развития. Долгосрочные тенденции маргинализации прерывались короткими периодами оживления в течение столетий Средневековья, Просвещения и позже разворачивания промышленной революции. Общее европейское развитие оказало решающее влияние на элементы восточноевропейской и центральноевропейской системы отношений, основные области действительно были включены в пространственные структуры, но их расширение было ограничено и они не оказывали решающего влияния на региональное развитие вне их непосредственных зон.

Региональные различия в Восточной Европе перед Второй мировой войной

Геополитические факторы отрицательно повлияли на пространственные различия в Центральном и Восточно-Европейском макрорегионе. В течение XVIII—XIX веков, которые были свидетелями захватывающих преобразований пространственной структуры экономики и городской сети, данные страны жили под русским, турецким гнетом, в результате прусского господства образовались Габсбургская империя и Австро-Венгерская монархия. Политическая зависимость ограничила возможности автономного развития

данных стран. Пространственное развитие в этих регионах зависело от того, какую экономическую политику практиковали имперские центры. Особое влияние оказало соседство с польскими областями, которые принадлежали Царской России и Пруссии.

Институционализация национальных движений оказала косвенное воздействие на пространственное развитие будущих национальных государств. Это в наибольшей мере относится к странам, находящимся в пределах российской сферы интересов, так как они были категорически не согласны с репрессивными мерами имперской национальной политики. Российская государственная власть использовала территориально-национальную стратегию в вопросе управления периферией. Царский генерал Губерниас был главным образом многоэтнической фигурой того времени. Исторические, этнические и географические факторы регионов были также приняты во внимание при изучении развития различных форм применения империала. (Lieven, 2000).

В конце XIX века 92% промышленного производства царской России обеспечивались европейской частью территории страны. Концентрация этих областей непрерывно увеличилась. В последнем десятилетии прошлого столетия наиболее развитыми промышленными зонами империи были Московская, Варшавская, Владимирская и Санкт-Петербургская губернии. Число промышленных рабочих в расчете на тысячу человек составляло около 32–82 занятых на этих территориях, в то время как в наименее развитых областях это число соответствовало 1–7 человекам. В течение первого десятилетия 1900-х годов данные по динамике промышленного производства на макро-уровне показали 10–12-кратный прирост. Промышленное производство в России в течение первых лет XX века на душу населения выражалось цифрой 31 руб., его величина составляла 87 руб. в северо-западных регионах и Балтийской области, в Центральном российском индустриальном районе — 78 руб., в азиатской части России оно составляло только 8 руб. (Horváth, 2008). Уровень эксплуатации природных ресурсов страны был невероятно низок, 90% ресурсов империи оставались неизведанными.

В то же время программы модернизации исторической Венгрии, строительство железных дорог, работы по управлению водными ресурсами и финансируемые государством общественные работы, главным центром которых был Будапешт, вызвали существенные преобразования в пространственной структуре страны в конце XIX столетия. Прежде всего они были нацелены на концентрацию и способствовали укреплению национального и международного положения столицы. Правительства не разрабатывали свою пространственную стратегию развития в ее текущей форме, в то время как она требовалась для усиливающихся процессов модернизации отстающих областей страны. Действия периферийных областей, интенсивно меняющихся, были поддержаны Национальной Венгерской Экономической Ассоциацией (НВЭА). Изменение ситуации с пространственной дифференциацией было ключевым фактором в логике действий ассоциации. Первая правительственная программа развития начала действовать в Северо-Восточных Карпатах в конце 1890-х годов, и правительственная стратегия была сформулирована на основе декретов Секейского конгресса 1902 года по модернизации Секейского региона, одного из самых слаборазвитых регионов в стране. Секейский конгресс, который обеспечил символическую систему по объединению усилий заинтересованных лиц области, можно считать базовым звеном собственного венгерского пространственного развития. Хотя из-за превратностей истории конкретные правительственные шаги и действия местных властей не помогли в достижении их честолюбивых целей модернизации, протоколы конгресса предоставили интересную информацию к размышлению для профессионалов в области пространственного развития.

Слияние регионов в национальные государства в интервале между двумя мировыми войнами

В первую очередь восточноевропейские и центральноевропейские послевоенные правительства после Второй мировой войны столкнулись не только с проблемой пространственных различий в экономических

программах, но также и с пространственно-гетерогенными социальными, политическими и общественными институциональными системами. Эти проблемы были огромными в каждом новом государстве, так как территории новых стран прежде принадлежали различным империям. Для создания единой политической структуры требовался огромный капитал. Однако создание единой государственной организации и решение проблемы уменьшения пространственных различий не являлись приоритетной задачей общества. В нескольких странах, однако, задачи, связанные с пространственной политикой, действительно были выявлены в процессе интеграции транспортных и энергетических сетей и создания социально-политических институтов, отражающих интересы большинства. Самое значительное количество мер было принято в двух самых больших странах — Польше и Советском Союзе. Эти меры были направлены на создание экономического фундамента регионов.

Последовавшие за Декларацией объединения Польши в 1918 году новые задачи включали строительство транспортных линий между Верхним угольным бассейном Силезии и Балтийским морем, расширение железнодорожной линии в Катовицком промышленном регионе до береговой линии; инвестиции в новый порт и программы городского развития, которые следовало запустить в Гдыне, оставались под контролем Лиги Наций. В середине 1930-х годов расширение экономического базиса потребовало развития промышленности в стране с 66% сельскохозяйственной занятостью. Несколько областей стали центром внимания государственного регулирования. Были выделены двенадцать областей с различными сложностями развития. Одна из этих областей включала в себя установленные Германией районы и политически уязвимые области (так называемый «польский коридор» между Германией и Вольным городом Данцигом); другая состояла из перенаселенных аграрных областей или регионов с недостающей интенсивностью развития из-за наличия горных массивов (Белосток, Львов, Кельский регион, южная Польша). Исторически сложившиеся индустриальные регионы составили отдельную группу (Лодзь, Познань, Верхняя Силе-

зия). И наконец, чтобы позволить Варшаве выполнить свои функции столицы, потребовалась полная инфраструктурная модернизация аграрной области (Hamilton, 1982).

Трудности с развитием этих проблематичных областей не исчезли даже после Второй мировой войны, и все еще шли работы по их преодолению. Однако программы имели несколько положительных последствий. Прежде всего важная роль пространственных аспектов была признана в национальном экономическом планировании. Это привело к систематическому сбору данных, были сделаны прогнозы по развитию экономики и изменению численности населения, к этому времени уже были сформулированы принципы пространственной послевоенной системы планирования (Malisz, 1978). Конференция Польского общества городского планирования (ПОГП, организовано в 1923 году) впервые ясно сформулировала потребность в применении пространственного планирования. В 1936 году была организована Ассоциация регионального планирования. Общество издало статистический атлас Польши, который разделил страну на два две части по развитию. «А» Польша была представлена развитыми областями, лежащими к западу от Вислы, «В» Польша состояла из восточных областей. Ассоциация стремилась убедить правительство, что последние области должны быть главными бенефициариями плана государственных инвестиций 1936—1940 годов. Польское Министерство внутренних дел установило свои офисы в бывших особых регионах. Отстающая область — так называемый треугольник: Краков, Сандомир, Львов — был подчинен контролю Министерства обороны, эта территория определялась как зона развития польской военной промышленности, заменяющей область Верхней Силезии.

Развитие отстающих периферийных областей было поднято на уровень государственной идеологии в Советском Союзе, что являлось иллюзорной программой уничтожения различий между деревней и городом и служило политической цели, подчинению интересу военной мощи и власти империи. Некоторые попытки преобразований первых десятилетий советской власти получили при-

знание международного профессионального общественного мнения. Понятие всесторонней электрификации страны, так называемый план ГОЭЛРО, можно определить как предшественника сложных пространственных стратегий экономического развития. Этот план ясно сформулировал потребность в создании макрообластей. Был выделен 21 экономический район, задача состояла в разработке и организации выполнения программ энергетического и экономического развития (Тархов, 2005). План индустриализации был сфокусирован на территориях страны, лежащих в западной части Урала. Более чем половина из индустриальных инвестиций была сделана в территории, расположенные в непосредственной близости к старым промышленным зонам — в Волжскую область, Кузнецкий бассейн. Новые промышленные зоны, расположенные в непосредственной близости к источникам сырья, служащие оборонным целям, а не территориальному развитию, способствовали продвижению на восток индустриального потенциала, что привело к быстрому развитию нескольких областей Сибири. Глубокие региональные различия в стране не исчезали, кроме того, при наличии современных сил формирования пространства они продолжали углубляться.

Во время Второй мировой войны значительное пространственное реструктурирование могло наблюдаться в промышленном секторе. Две трети новых компаний обосновались в Уральском и Волжском регионах и только 16% в Западной Сибири (Трейвиш, 2002). В 1941 году значительная доля предприятий Москвы была эвакуирована в области, лежащие к востоку от города, и в Сибирь. Следовательно, производство европейских индустриальных областей было уменьшено наполовину. Вес Сибири был еще существенно меньше ее реальной значимости, но решительное увеличение ее удельного веса в экономике можно было наблюдать исходя из динамики численности персонала. После войны темпы быстрого развития западных территорий были исчерпаны. В восточных территориях активная добыча нефти, газа и другого промышленного сырья была начата с конца 1940-х годов, что основывалось на исследо-

вании геологии и извлечения природных ресурсов в 1930-е годы. Позиция Восточных областей (Казахстан, Сибирь и Дальний Восток) в производстве сырья были значительно усилены во время этого периода.

Научная основа для разработки региональных программ национальных планов экономического развития была заложена Комиссией по изучению естественных производительных сил (КЕПС) Академии наук в начале XX века. Организация была создана Имперской Российской академией в 1915 году. Этот институт был ответственен, в частности, за реализацию региональных программ плана ГОЭЛРО. Организация была преобразована в 1930 году, она стала подчиняться центру планирования под названием Совет по изучению производительных сил (СОПС) (А.А. Адамеску, 2012).

Региональные последствия слияния различных частей стран в единое государство могли быть оценены в других новых государствах Восточной и Центральной Европы. Стратегическая цель венгерской экономической политики состояла в том, чтобы установить внутреннее единство страны, уменьшенной до одной трети от ее предыдущего размера и сориентировать производственные мощности на новые рынки. Пространственные различия были существенными в новой Румынии. Уровень урбанизации (плотность городской сети) в Трансильвании и уровень ее индустриализации были значительно выше, чем в областях румынского Старого Королевства. Трансильвания включала 30% населения новой Румынии, в то время как ее доля в производственных мощностях страны составляла 40–50%. В Чешской республике были созданы новые рынки для чешской промышленности на словацких территориях и стабилизации транспортной инфраструктуры, что определило вливание Верхней Венгрии в новое национальное экономическое пространство. Для создания политического единства официальные власти и общественные структуры управления оказывали прямое и косвенное воздействие на развитие сети связи и развитие экономического потенциала различных городских территорий.

В результате решения государственных организационных и социополитических задач, связанных с территориальными изменениями, имеющими место во время периода между двумя мировыми войнами, ряд научных дисциплин сочли необходимым сделать акцент на анализе территориальных экономических процессов, организационной системе территориального руководства, моделях регулирования и моделях перераспределения населения. В течение этого периода работы нескольких признанных социологов оказали свое влияние на функционирование государства. К примеру, мы можем упомянуть социологические работы по сельскому хозяйству румынского Димитрия Густы, политическое научное исследование венгерского Андраша Ронау, экономические и социогеографические исследования чешского Виктора Дворского. Результаты исследований таких видных русских (позже советские) ученых, как исследователи в области экономической географии И. Г. Александров, Н. Н. Баранский, Н. Н. Колосовский, способствовали формированию экономических районов и обеспечили научную основу для пространственного планирования.

Во время Второй мировой войны новые учреждения были организованы в нескольких частях Центральной Европы в качестве региональных активов. Их главной задачей было обеспечение научной основы послевоенной реконструкции. Среди них Балтийский институт в Торуне, институт Силезии во Вроцлаве, Западный институт в Познани, институт Силезии в Опаве (в Моравии), стоит упомянуть и Задунайский научно-исследовательский институт в г. Печ (в Венгрии). Некоторые из этих институтов все еще функционируют в настоящее время. На данный момент главный профиль института в Познани — исследование польско-немецких отношений. Институт, основанный в г. Печ в 1943 году, стал центром фундаментальных исследований венгерского пространственного развития и получил признание как Центр региональных исследований Венгерской Академии наук с 1984 года.

Пространственная политика государственного социализма

Социалистическая плановая экономика ставила своей целью достичь сокращения пространственной дифференциации, прежде всего через программы промышленного развития. Инвестиции в инфраструктуру, связанные с индустриализацией и постоянно растущей скоростью урбанизации, привели к сокращению доходных различий макрообластей.

Пространственное планирование выполняло важную роль в системе плановой экономики. В Польше соответствующие экономико-правовые документы по пространственному планированию были приняты в 1961 году. Долгосрочные пространственные планы содержали основные элементы стратегий регионального развития, концепции развития системы связей были разработаны в нескольких странах (в Болгарии, Венгрии, Румынии).

Идеология региональной политики и проведение политики государственного социализма (классическая марксистская теория, утопическая урбанизация, плановая теория) обозначили цели (равномерное развитие, замедление различий в уровне развития деревни и города, пространственно сбалансированное распределение свободных и централизованных социальных трансфертов), которые стали серьезным барьером для научных дисциплин, занятых исследованием пространственных процессов. На какое-то время понятие идеально гомогенного общества завоевало научную мысль. Однако благодаря интенсивным связям с западной европейской наукой польская и венгерская социология уже в относительно раннем периоде, в середине 1960-х годов, подвергла сомнению эффективность центральной плановой экономики, экономической политики, пренебрегающей местными региональными возможностями (Domański, 1973; Dziewoński, 1967; Enyedi, 1981).

Результаты исследований о пространственном преобразовании плановой экономики указали на факт, что экономическая структура и тип особенностей урбанизации в Восточной и Центральной Европе не представляли автономную модель, а были повторением западного типа урбанизации и циклического разви-

тия, только с существенным запаздыванием. Дифференциацию пространственного развития можно приписать поздней индустриализации, с одной стороны, и функционированию системы государственного социализма, с другой (Enyedi, 1992).

Специфика путей развития Восточной и Центральной Европы также легла в основу исследований в области социально-экономического пространства, и было выявлено много характерных особенностей. Социалистическая научная политика, следующая руководящему принципу структуры власти, не рассматривала пространственное исследование как приоритетный вопрос. Главным образом, потому, что ни одно звено строго централизованной системы государственного управления не интересовалось анализом специфики регионов. Реальная политика была нацелена на гомогенизацию и рассматривала пространственные аспекты только в такой степени, которую требовало централизованное планирование.

Несмотря на то что интервал времени между 1948-м и 1990-м годами характеризовался проблемами, связанными с исследованием социально-экономического пространства для различных научных дисциплин, требования не касались сложности и тематического сотрудничества между научными дисциплинами в аспекте социального управления. Традиционные научные дисциплины, исследующие пространственные отношения (экономическая география, регулирование и общественно-административные науки, экономика до известной степени), могли осуществлять свою деятельность независимо друг от друга в академиях или университетах. Научной базой для пространственных исследований были государственные учреждения, национальные институты планирования и институты городского планирования.

Каталитический эффект исследования пространственных процессов может также быть обнаружен в процессе дифференцирования восточноевропейских общественных наук. Результаты исследования, связанные с выявлением внутренней дифференциации структуры общества, служили важной восходящей силой, стимулирующей большую автономию

социологии с точки зрения теории и методологии, в то время как исследования пространственных компонентов публичных административно-властных отношений способствовали легитимизации политической науки (Bihari, 1983; Musil, 1977).

Институциональная координация территориальных исследований была достигнута в двух странах. В Советском Союзе продолжал свое функционирование Совет по изучению производительных сил (СОПС). В Польше Академия наук в 1958 году организовала Комитет пространственной экономики и пространственного планирования (Kuklinski, 1966). В Венгрии в 1971 году правительственный декрет по концепции национального пространственного развития делегировал организацию фундаментальных исследований по пространственному развитию Венгерской Академии наук, однако, это не подразумевало координации государственного уровня.

Главной научной отраслью, вовлеченной в анализ пространственных процессов, была социально-экономическая география. Почти у каждой научной академии были собственные географические институты, результаты исследований которых в прикладном аспекте оказали значительное влияние на решение проблем пространственного развития данного периода. Польша также занимала видное место в сфере институциональных инноваций, название географического института было изменено на Институт географии и пространственной экономики в начале 1970-х годов. В Венгрии Центр региональных исследований, функционирующий в форме сети научных институтов, был организован в 1984 году, его основой был Южный научно-исследовательский институт Трансданубиании, представляющий основные фундаментальные исследования региона. Научно-исследовательский центр в сотрудничестве с факультетом экономики Печского университета начал программу подготовки аспирантов по пространственному развитию в 1988 году. Научные мощности географических отделов и институтов университета были довольно существенными несмотря на то что эта дисциплина скорее была ориентирована на педагогическое образование в системе социалистической высшей школы. Научные отде-

лы, занимающиеся проблемами урбанизации в политехнических университетах, также были признанными исследовательскими группами в ряде стран.

Значимым фактором в постоянном развитии польских и венгерских пространственных исследований был реформистский дух политических систем этих двух стран. Следовательно, отношения между научными кругами этих двух стран поддерживались западноевропейскими исследовательскими структурами, были начаты объединенные программы исследования, национальная, региональная и местная политическая элита проявила интерес к результатам их исследований. Не слишком смелым будет заявить, что региональные исследования играли активную роль в подготовке изменения режима (Maurel, 2002). Результаты исследований выявили тот факт, что модернизация экономики потребовала существенного преобразования пространственной структуры и, как следствие, неизбежного пересмотра целей, принципов и институтов пространственной стратегии развития. Сотрудничество и взаимодействие между центральными государственными, местно-территориальными сообществами, общественными и частными секторами должно было стать основой новой модели социального управления.

Региональное преобразование после системных изменений

В 1990-х годах можно было наблюдать новые процессы в восточноевропейском и центральноевропейском пространственном развитии. Их влияние было столь же драматическим, как и изменения, связанные с принудительной индустриализацией. Демографические, экономические и экологические процессы, а также процессы на рынке труда имели существенные особенности в Восточной и Центральной Европе во время переходного периода к рыночной экономике. Западноевропейские эксперты склонны рассматривать эту территорию как гомогенная единица. Однако наследие государственного социализма, региональные эффекты преобразований, инструменты экономической политики и институциональные решения, используемые в управлении постсоциалистическими изме-

нениями, привели к довольно разнородным результатам. Радикальное преобразование экономической структуры не затронуло различные области в равной мере. Проигравшими в переходной экономике — так же как и в других европейских странах — были индустриальные области с тяжелой и добывающей промышленностью. И в качестве восточноевропейской специфики — связанные с ними сельскохозяйственные области. Строительство рыночной экономики привело к усилению региональных различий. Присутствие различий свидетельствует о том, что в каждой стране есть отсталые регионы (кроме Болгарии). Десять самых преуспевающих восточноевропейских и центральноевропейских регионов расположены в четырех странах: шесть в Чешской Республике, два в Венгрии, по одному в Словакии и Румынии. Десять самых бедных областей могут быть найдены в двух странах, которые вступили в Европейский Союз позже: в Болгарии и Румынии (Horváth, 2009). Самый захватывающий пример доминирования чистых рыночных эффектов — это Россия. Мы проиллюстрируем региональную дифференциацию через посредство двух пунктов.

1. Существует 44-кратное различие между областью с самым низким и самым высоким доходом.

2. Доля Москвы в национальном ВВП повысилась с 10,3% в 1994 году до 23,8% к 2007 году. Тем временем удельный вес Санкт-Петербурга увеличился с 3,3% только до 3,9% (Дергачев — Вардомский, 2010).

Одним из характерных недостатков активности первых демократических правительств в Восточной и Центральной Европе после изменения режима была нехватка внимания, которое нужно было уделить значимому и быстрому пространственному реструктурированию экономики. Венгрия была единственным исключением, где после демократических выборов 1990 года в правительственной структуре было организовано Министерство защиты окружающей среды и пространственного развития, а также были разработаны правительственные программы для реструктурирования регионов с тяжелой индустрией, испытывающих острую кризисную ситуацию. Ни одно из

правительств не разработало последовательной стратегии региональной политики, касающейся всего пространства страны, при этом бывшие пространственные программы развития не были приспособлены к целям новой модели развития — скорее они были уничтожены. Политическая элита не постигала сущность пространственного развития, было довольно много сторонников того, чтобы идентифицировать его с базовыми инструментами плановой экономики и дать ему оценку как остатку национального экономического планирования. Политическая атмосфера в 1990-х годах этого периода не была благоприятной для тематической и институциональной модернизации пространственных исследований.

Региональная политика столкнулась с бесчисленными проблемами в новых странах — членах Европейского Союза. Государственная политика в сфере пространственного развития характеризовалась неустойчивостью, главный управляющий орган региональной политики менялся с каждым новым правительственным циклом. В Венгрии координация пространственного развития уже была делегирована восьми различным представителям. Многочисленные проблемы возникли и возникают в связи с реализацией основных принципов структурной политики Европейского Союза: нет никакой институциональной системы для эффективного функционирования децентрализованных механизмов принятия решений; осуществления принципа дополнительности, сталкивается с серьезными препятствиями из-за несовершенного характера реформы государственного бюджета; низкая эффективность финансирования программы происходит из-за низкой заинтересованности в сотрудничестве лиц, имеющих отношение к пространственному развитию. К сожалению мы могли бы бесконечно перечислять проблемы пространственного развития, которые препятствуют реализации наших целей. Прямое следствие всего этого — непрерывное увеличение пространственного неравенства в каждой из стран, отличается только его степень.

И все же, членство в Европейском Союзе, институциональные изменения и расширение финансовых возможностей создали так-

же и благоприятные условия для пространственных исследований. Потребовались новые знания о практике западноевропейской пространственной стратегии развития, потенциале экономических и человеческих ресурсов регионов, упомянутых в национальных планах развития, для проведения структурной политики Европейского Союза, разработки концепций и программ регионального развития. Новые требования порождают спрос на научные исследования в области регионального развития, что находит свое отражение в подготовке соответствующих специалистов в ряде стран. В преемнице прежнего СССР — Российской Федерации, региональные научные знания приобрели большее значение в связи с реорганизацией межрегиональных отношений и расширяющихся областей ответственности местных органов власти.

Пространственные исследования в начале XXI столетия

Организационные структуры

Потребность в лучшем понимании пространственных процессов значительно увеличилась после изменения режима. Институциональная структура пространственных исследований также подверглась существенным преобразованиям. Научно-исследовательские институты оказались в трудном финансовом положении. Так чешский Институт географии был закрыт. То же произошло с Научно-исследовательским центром наук о Земле в Болгарии, где социальной географии отводилась второстепенная роль. Возникли проблемы также и в Венгрии, Центр региональных исследований ВАН был лишен его руководящих функций, национальные связи ослабли. Научно-исследовательский центр теперь находится в Будапеште, однако весь опыт децентрализованного управления наукой пропал впустую. Крупные общественные институты городского планирования с замечательными интеллектуальными мощностями, в социалистическом периоде игравшие существенную роль в разработке и выполнении пространственных задач, были закрыты.

Напротив, значение университетов в развитии региональной науки увеличилось. Исследования как раз стали приоритетной задачей университетов, структура обучения была также преобразована. Стали изучаться авторские программы ученых-географов, которые специализировались на изучении и практическом применении теории пространственных отношений. Существенным результатом всесторонних преобразований экономического учебного плана была организация программ ведущих специалистов по пространственной экономике и региональной политике.

Согласно расчетам, основанным на данных Интернет-ресурсов, в научно-исследовательских институтах и университетах шести стран Восточной и Центральной Европы численность персонала, занятая пространственными исследованиями, превышает 900 человек. Распределение студентов между соответствующими странами осуществляется довольно неравномерно (табл. 1, рис. 1).

Познань, Лодзь, Варшава, Краков и Вроцлав — самые значимые центры страны по региональным научным исследованиям. Далее следует Венгрия: самые важные центры науки — Печ и Будапешт. Пространственное распространение исследовательских структур здесь даже больше, чем в Румынии, следующей стране в перечне, где региональные научные структуры существуют только в четырех городах. В Чешской Республике только три

самых больших города можно расценивать как центры регионального научного исследования. Словакия является трехполюсной в аспекте региональной науки, а в Болгарии только академия, университет и географические институты столицы заняты региональными научными исследованиями. Около 60 научных центров с главным научным профилем в сфере региональных исследований появились в 30 городах Восточной Европы в период с 2000-го года и до настоящего времени. У этих центров есть ежегодные программы исследования, они издают научные отчеты с результатами своей исследовательской деятельности на регулярной основе, их сотрудники часто посещают международные научные форумы, публикуют свои работы и участвуют в конференциях.

В дальнейшем автор не сможет обойтись без указаний на некоторые особенности институциональной основы российской региональной науки. Полный анализ этих особенностей невозможен в структуре данного исследования, так как сбор и обработка массивного объема информации потребовали бы целой монографии, а не отдельной статьи. Ведущие учреждения со столетними традициями региональных научных исследований все еще функционируют, региональная наука является признанной научной дисциплиной в России. У науки в Российской Федерации, по мнению автора, есть два доминирующих

Таблица 1

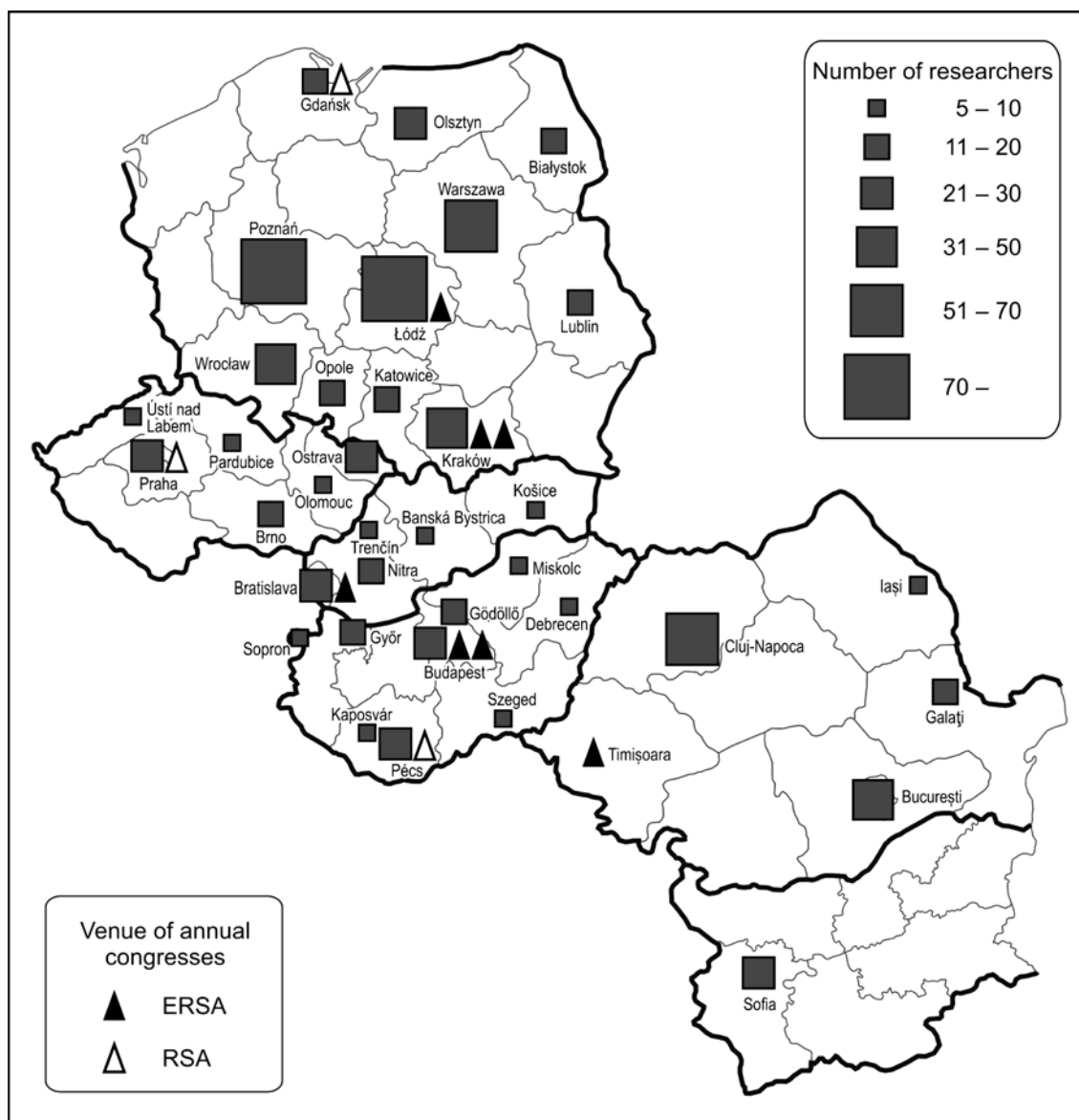
Количество научных исследователей регионального направления в восточноевропейских и центральноевропейских странах, 2012

Страна	Количество научных исследователей, чел.	Распределение, %	Доля исследователей, занятых в исследовательских структурах в столицах, %
Болгария	30	3,3	100,0
Чехия	115	12,6	34,8
Польша	425	46,7	17,5
Венгрия	150	16,5	20,0
Румыния	130	14,3	31,9
Словакия	60	6,6	50,0
Общее количество	910	100,0	21,4

Источник: авторские выводы, основанные на интернет-данных. Включены данные университетов и научно-исследовательских институтов, которые опираются на программы исследования и публикации, обращенные к региональной тематике.

Рисунок 1

Научные центры по пространственным исследованиям в Восточной и Центральной Европе, 2012

Источник: авторское изображение, основанное на данных интернет-хранилища.

интеллектуальных центра: Москва и Новосибирск. Региональная тематика может быть найдена в планах исследования десятков академических и федеральных секторальных научно-исследовательских институтов. Два учреждения заслуживают особого внимания. Ряд ученых Института географии Российской Академии наук регулярно издают работы высокого качества в западных научных издательствах (Артоболевский, 1997; Ioffe–Nefedova,

2000; Lappo–Hönsch, 2000). Другой известный центр – это Совет по изучению производительных сил (СОПС), ранее нами упомянутый, который проявляет свои функции координации через систему взаимодействия по программам фундаментальных исследований и публикацию книг и журналов. Научным центром Новосибирска является Институт организации экономики и промышленного производства Сибирского отделения Российской

Академии наук. Одна из институциональных реформ периода перестройки может поставить себе в заслугу основание трех научных школ в региональной науке. Одна из них ответственна за создание научной основы для пространственной стратегии развития Сибири и дальнейшего развития пространственного планирования, другая является ведущим центром основ социологии, третья представляет собой научное сообщество, функционирующее на основе самых продвинутых российских традиций математико-статистических аналитических методов и моделирования. Эти два учреждения в Москве и в Новосибирске создали научную основу федеральной программы исследования, названной «Междисциплинарный синтез пространственного развития Российской Федерации», скоординированной Российской Академией (Кулешов – Селиверстов и др., 2012; Котляков – Клезер и др., 2012).

Кроме научно-исследовательских институтов научные ассоциации составляют другую важную основу пространственного исследования. Помимо исследований, проводимых в этой области, научная ассоциация собирает практикующих профессионалов, заинтересованных в применении научных результатов, и интеллектуалов, заинтересованных проблемой регионального развития. Эти форумы для интеллектуалов функционируют как автономные учреждения или как национальные подразделения международных региональных научных ассоциаций. Первая группа включает венгерские и румынские Региональные научные ассоциации. В 2000 году была основана румынская Региональная научная ассоциация. В настоящее время она включает 140 участников. Результаты румынских пространственных исследований представляются на ежегодных тематических конференциях. Они издаются в журнале под названием «Румынский журнал региональной науки», имеющий два ежегодных выпуска. Венгерская региональная научная ассоциация была создана в 2002 году, в настоящее время в нее входят 430 участников. Ее ежегодные собрания приурочивают к проведению тематических конференций. Региональные научные исследования в остальных рассматриваемых странах прово-

дятся в рамках национальных подразделений, а также в рамках Европейской ассоциации региональной науки. В Польше Комитет по пространственной экономике Польской академии наук может расцениваться как центр интеграции региональных научных исследований. Ежегодно комитет, управляющий шестью рабочими группами, издает три выпуска публикаций. 115 членов Регионального научного комитета Венгерской академии наук заняты в пяти рабочих комитетах.

Публикационные форумы

Изначально, в первой половине XX века, публикации результатов исследования пространства в Восточной Европе были возможны только в научных журналах, посвященных другим дисциплинам. Результаты пространственных исследований издавали журналы по географии, экономике, социологии, общественному управлению. У региональной науки, за редким исключением, не было своих собственных форумов ни в одной из стран до середины 1980-х годов.

Первое десятилетие 2000-х годов было главным периодом формирования журналов, и более двух их десятков были основаны учреждениями, издателями и институциональными консорциумами, включенными в региональные исследования. Обобщим данные, представленные в главных журналах по региональной науке в Восточной и Центральной Европе (табл. 2).

Уровень институционализации, традиций и научной силы региональных исследований оказывает решающее влияние на публикационную активность. Польские и венгерские публикации показывают всесторонность подходов. Число региональных научных монографий является самым высоким в этих двух странах. Более 40 научных монографий было выпущено в рамках изданий направления «пространственные исследования и проблемы регулирования» при поддержке Венгерского академического издательства, а затем при помощи разных издательств в рамках программы *Studia Regionum*, они заключали в себе итоги венгерской региональной научной мысли конца прошлого десятилетия. Польские издательства высокого уровня, дей-

Таблица 2
Некоторые характеристики главных региональных научных журналов

Название журнала	Год издания	Издатель	Ежегодная частота публикации	Язык
<i>Республика Чехия</i>				
Regionální Studia	2007	Пражский экономический университет	4	Английский
<i>Польша</i>				
Biuletyn KPZK PAN	1958	KPZK PAN	Нерегулярно. 4–5 изданий в год. 250 изданных выпусков	Польский
Studia KPZK PAN	1958	KPZK PAN	Нерегулярно, 2 издания. 115 изданных выпусков	Польский
Studia Regionalia	1986	KPZK PAN	Нерегулярно, 1–2 объема. 32 изданных выпуска	Английский
Европейские пространственные исследования и политика	1994	Университет Лодзи, Университет Гронингена, Университет им. Коменьски в Братиславе, Тбилисский государственный университет, Федеральная служба по строительству и региональному планированию (Германия)	2	Английский
Studia Regionalne i Lokalne	2000	Университет Варшавского Центра региональных и местных исследований	4	Польский
<i>Венгрия</i>				
Területi Statisztika	1960	Центральное статистическое бюро	6	Венгерский
Tér es Társadalom	1987	Центр региональных исследований ВАН	4	Венгерский
Falu, Város, Régio	1999	Институт регионального развития и градостроительства	3	Венгерский
Discussion Paper	1986	HAS Центр по региональным исследованиям	Нерегулярно, 4–5 изданий. 105 изданных выпусков	Английский
<i>Россия</i>				
Регион: экономика и социология	1963	Российская академия наук, Сибирское отделение, ИЭОПП	4	Русский
Пространственная экономика	2004	Российская Академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономики	4	Русский
Регион: система, экономика, управление	2007	Изд-во «Научная жизнь»	4	Русский
Экономика региона	2011	РАС Уральское отделение, Институт экономики	4	Русский
Современные производительные силы	2012	Совет по исследованию производственных сил	4	Русский
Regional Science of Russia	2010	Плеяда публикаций, Спрингерское Верлэг распределение	2	Английский
<i>Румыния</i>				
Romanian Journal of Regional Studies	2007	Румынская Региональная Научная Ассоциация	2	Английский, онлайн
Romanian Review of Regional Studies	2007	Центр региональной географии, Университет им. Бабеша–Бойаи	2	Английский
Journal of Urban and Regional Analysis	2011	Междисциплинарный центр перспективных исследований территориальной динамики, Бухарестский университет	4	Английский

Источник: данные, собранные автором в интернет-ресурсах.

ствующие в региональных центрах, также издают большое количество региональных научных работ по регионалистике.

Заключение

Положительные и отрицательные эффекты процесса оформления социоэкономического пространства наблюдаются в XX веке в развитии Центральной и Восточной Европы, а также в других частях континента. Пространственные аспекты, представленные в политике прошлых периодов, характеризовались гетерогенными формами государственной организации. Результаты пространственных исследований были полезны для принятия решений о перспективах развития регионов, учитывая их специфику. В течение прошедших лет XXI века результаты исследований различных общественных научных дисциплин были также включены в процессы принятия решений, связанные с пространственным аспектом, однако правящей элите коммунистического периода требовались только поверхностные знания о развитии пространственных процессов. Пространственные исследования проводились в пределах национальных границ, международное профессиональное сотрудничество — за исключением Польши и Венгрии — оставалось слабым и случайным.

Глубокие региональные преобразования начали зарождаться на основе введения рыночной экономики после 1989 года и распада Советского Союза. Регулируемость этих изменений естественным образом призывала к тематическому и организационному развитию пространственных исследований. Приготовление к вступлению в ЕС обеспечили импульс для дальнейших исследований и развития региональных научно-исследовательских школ, возникших во всех центральноевропейских и восточноевропейских странах в начале XXI столетия. Различия касались только объема, установленной системы и пространственного распределения исследований. Дисциплинарные критерии часто являются недостаточными или показывают слабый уровень развития в большинстве стран, за исключением Польши, Венгрии, России (табл. 3).

Пространственное распределение региональных научно-исследовательских структур несколько более децентрализовано, чем в случае других научных дисциплин. Научно-исследовательские мощности в восточноевропейских и центральноевропейских странах имеют высокую степень концентрации в столицах, это может расцениваться как неблагоприятное явление с позиций научного и регионального развития (Хорибс, 2009). По сравнению с другими научными дисциплинами в таких странах, как Польша, Венгрия и Румыния, доля столиц с точки зре-

Таблица 3

Уровень развития дисциплинарных критериев региональной науки

	Болгария	Республика Чехия	Польша	Венгрия	Россия	Румыния	Словакия
Исследовательские единицы	■	■■	■■	■■	■■	■	■
Собственные университетские программы обучения		■■	■■	■■	■	■	■
Докторские школы			■■	■■	■■		
Журналы		■	■■	■■	■■	■■	
Монографии			■■	■■	■■	■	
Научные общества и организация координации науки			■■	■■	■■	■	
Международные региональные научные конференции		■	■■	■■	■	■	■

Источник: построено автором.

Ключ: ■ — слабо развитый; ■■ — развитый.

ния численности персонала в региональной науке составляет от половины до одной трети. Региональная наука представляет собой пример для подражания децентрализации общественной деятельности. Эта дисциплина накопила ценный опыт в децентрализации и связях, основанных на организационных системах, ее методы могут быть эффективно переданы другим экономическим и социальным секторам.

Анализ истории развития региональных исследований демонстрирует, что решающую роль в подъеме научной дисциплины и широком использовании результатов ее исследований сыграли выдающиеся ученые. В Польше это был Антони Куклицкий (1927), преподаватель Варшавского университета, который способствовал основанию нескольких учреждений и институтов региональной науки. В России в течение прошлых двух десятилетий им был Александр Гранберг (1936–2010) — бывший директор новосибирского института экономики и организации промышленного производства Российской Академии наук и председатель Совета по изучению производительных сил (СОПС) — все они способствовали своей работой развитию российской региональной науки. В Венгрии академик Дьердь Энъеди (1930–2012) был основателем этой научной дисциплины. Все трое ученых сыграли значительную роль в интеграции результатов исследований восточноевропейских и центральноевропейских стран в международную систему региональной науки.

Литература

1. Artobolevsky, Sergey S. 1997: *Regional Policy in Europe*. London, Jessica Kingsley.
2. Benko, George 1999: *Regionális tudomány*. Budapest—Pécs, Dialóg Campus Kiadó.
3. Bihari, Ottó 1979: *The Constitutional Models of Socialist State Organization*. Budapest, Akadémiai Kiadó.
4. Boyce, David. 2004: A short history of the field of regional science. *Papers in Regional Science*. 1. 31–57. pp.
5. Boyce, David—Nijkamp, Peter—Shefer, David 1991: *Regional Science: Retrospect and Prospect*. Berlin, Springer-Verlag.
6. Bradshaw, Michael J. 1993: *The Economic Effects of Soviet Dissolution*. London, Royal Institute of International Affairs.
7. Bradshaw Michael J.—Stenning Alison C. (eds.) 2004: *The Post Socialist Economies of East Central Europe and The Former Soviet Union*. Harlow, Pearson/DARG.
8. Czirfusz, Márton 2012: A térszemlélet szerepe a regionális tudomány, a gazdaságföldrajz és a közgazdaságtan viszonyában In: Rechnitzer J.—Rác Sz. (szerk.): *Dialógus a regionális tudományról*. Széchenyi István Egyetem Regionális és Gazdaságtudományi Doktori Iskolája, Magyar Regionális Tudományi Társaság, Győr, 52–59. pp.
9. Domański, Ryszard 1983: *Gospodarka przestrzenna*. Warszawa, PWN.
10. Dziewoński, Kazimierz 1967: Teoria regionu ekonomicznego. *Przegląd Geograficzny*. 1. 33–50. pp.
11. Egyed, Ildikó 2012: A regionális tudomány az elmélet és a gyakorlat között. *Tér és Társadalom*. 4. 17–36. pp.
12. Enyedi, György 1992a: Urbanization in East Central Europe. Social processes and societal responses in the state socialist system. *Urban Studies*. 6. 869–880. pp.
13. Enyedi, György 1992b: Social Transition and Urban Restructuring in Central Europe. Budapest, European Science Foundation.
14. Enyedi, György 2004: Applied geography in Central Europe. In Bailly, Antoine — Gibson, Lay James (eds.): *Applied Geography. A World Perspective*. Dordrech, Kluwer.
15. Fisher, Jack C. 1966: *City and Regional Planning in Poland*. Ithaca, Cornell University Press.
16. Florax, Raymond J. G. M. Plane, David A. (eds.): *Fifty Years of Regional Science*. Heidelberg, New York, Springer-Verlag.
17. Frank, Andrea—Mironowicz, Izabela 2009: Planning education in Poland. www.unhabitat.org/grhs/2009 [2012. november 5].
18. Gorzelak, Gregorz 1996: *The Regional Dimension of Transformation in Central Europe*. London, Jessica Kingsley.

19. Gorzelak, Gregorz – Bachtler, John – Smętkowski, Maciej (eds.) 2010: *Regional Development in Central and Eastern Europe*. London, Routledge.
20. Hamilton, Ian F. E. 1974: *Poland's Western and Northern Territories*. Oxford, Oxford University Press.
21. Hamilton, Ian F. E. 1982: Regional policy in Poland. A search for equity. *Geoforum*. 2. 121–132. pp.
22. Hamilton, Ian F. E. – Kaliopa Dimitrovska, Andrews – Pichler-Milanović, Natasa (eds.) 2005: *Transformation of Cities in Central and Eastern Europe*. Tokyo–New York–Paris, UN University Press.
23. Horváth, Gyula 2008: *Regional Transformation in Russia*. Pécs, Centre for Regional Studies, HAS. Discussion Papers, 65.
24. Horváth, Gyula 2009: *Cohesion Deficiencies in Eastern and Central Europe*. Pécs, Centre for Regional Studies, HAS. Discussion Papers, 72.
25. Illés, Iván 2002: *Közép- és Délkelet-Európa az ezredfordulón. Átalakulás, integrációs, régiók*. Budapest–Pécs, Dialóg Campus Kiadó.
26. Ioffe, Grigory V.–Nefedova, Tatyana G. 2000: *The Environs of Russian Cities. A Case Study of Moscow. Russian Views of Transition in the Rural Sector*. Washington, The World Bank.
27. Isard, Walter (ed.) 2003: *History of Regional Science and the Regional Science Association International*. Berlin, Heidelberg, New York, Springer-Verlag.
28. Isard, Walter 1975: *Introduction to Regional Science*. New Jersey, Prentice-Hall, Englewood Cliff.
29. Isserman, Andrew M. 1993: The history, status and future of regional science: an American perspective. *International Regional Science Review*. 2. 249–296. pp.
30. Isserman, Andrew M. 1995: Lost in space. On the history status, and future of regional science. *Review of Regional Studies*. 1. 1–50. pp.
31. Kaase, Max–Sparschuh, Vera–Wenninger, Agneszka (eds.) 2002: *The Social Science Disciplines in Central and Eastern Europe. Handbook on Economics, Political Science and Sociology*. Bonn/Berlin, Budapest, GESIS/Social Science Information Centre, Collegium Budapest Institute for Advanced Study.
32. Keating, Michael – Hughes, James (eds.) 2003: *The Regional Challenge in Central and Eastern Europe. Territorial Restructuring and European Integration*. Berlin, Peter Lang.
33. Krugman, Paul 1991a: *Geography and Trade*. Cambridge, MIT Press.
34. Krugman, Paul 1991b: Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*. 3. 483–499. pp.
35. Krugman, Paul 2000: A földrajz szerepe a fejlődésben. *Tér és Társadalom*. 4. 1–21. pp.
36. Kukliński, Antoni R. 1966: Research activity of the Committee for Space Economy and Regional Planning. In Fisher, Jack C. 1966: *City and Regional Planning in Poland*. Cornell University Press, Ithaca. 389–405. o.
37. Lappo, Georgij M.–Hönsch, Fritz W. 2000: *Urbanisierung Ruslands. Urbanisierung der Erde*. Berlin–Stuttgart, Gebrüder Borntraeger.
38. Lieven, Dominik 2000: *Empire: the Russian Empire and Its Rivals*. London, New Heaven.
39. Malisz, Boleslaw (red.) 1978: *40 lat planowania struktury przestrzennej Polski*. Studia Komitetu Przestrzennego Zagospodarowania Kraju. LXIV.
40. Martin, Ron 1999: The new „geographical turn” in economics: some critical reflections. *Cambridge Journal of Economics*. 1. 65–91. pp.
41. Maurel, Marie-Claude 1982: *Territoire et stratégies soviétiques*. Paris, Economica.
42. Maurel, Marie-Claude 2002: Central-European geography and the post-socialist transformation. A Western point of view. In Kaase, Max–Sparschuh, Vera–Wenninger, Agneszka (eds.) 2002: *The Social Science Disciplines in Central and Eastern Europe. Handbook on Economics, Political Science and Sociology*. Bonn/Berlin, Budapest, GESIS/Social Science Information Centre, Collegium Budapest Institute for Advanced Study. 578–587. pp.
43. Maurel, Marie-Claude 2004: Différenciation et reconfiguration des territoires en Europe centrale. *Annales de géographie*. 2. 124–144. pp.
44. Mészáros Rezső 2006: A társadalomföldrajz és a regionális tudomány Magyarországon. *Magyar Tudomány*. 1. 21–28. pp.
45. Musil, Jiří 1977: *Urbanization in Socialist Countries*. Praha, Svoboda.

46. Nemes Nagy József 1998: *A tér a társadalomkutatásban*. Budapest, Hilscher Rezső Szociálpolitikai Egyesület.
47. Rey, Violette–Gerbaud, Florent 1996: *Nouvelles Campagnes de L'Europe Centre Orientale. Espaces & Milieux*. Paris, CNRS.
48. Turnock, David 1978: *Eastern Europe (Studies in Industrial Geography)*. London, Dawson Publishing.
49. Turnock, David 1989: *The Human Geography of East Central Europe*. London, Routledge.
50. Wróbel, Andrzej 1980: Industrialization as a factor of regional development in Poland. *Geographica Polonica*. 43. 187–197. pp.
51. Адамеску А.А., 2012: К столетию Совета по изучению производительных сил. <http://www.sops.ru/sops/istoriya> [2012. 10. ноября].
52. Дергачев В.А., Вардомский Л.Б., 2010: *Регионоведение*. Москва, Юнити.
53. Котляков В.М., Глезер О., Трейвиш А.И. Швецов А.Н., 2012: Новая программа фундаментальных исследований пространственно-го развития России. *Регион: экономика и социология*. 2. 24–44. с.
54. Кулешов В.В., Селиверстов В.В., Сулов В.И., Суспицын С.А., 2012: Сибирская школа региональных исследований в программе Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез». *Регион: экономика и социология*. 2. 3–23. с.
55. Тархов С.А., 2005: Динамика административно-территориального деления России в XX веке. Глезер О.В., Полян П.М. (под. ред.): *Россия и ее регионы в XX веке: территория, расселение, миграция*. Москва. ОГИ. 33–75. с.
56. Трейвиш А.И., 2002: Промышленность в России за 100 лет. Данилова-Даниляна В.И., Степанова С.А. (порд. ред.) *Россия в окружающем мире: 2002. аналитический ежегодник*. Москва, Изд-во Международного независимого эколого-политического университета. 1–12. с.